

КАФЕДРА

Батум – Батум (Другая Маргарита)

ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА СТР. 1
Отец Маргариты Петровны преподавал русский язык и литературу в Ржевской гимназии, а отец Булгакова – греческий в Духовной академии. Оба отца владели несколькими языками. В обеих семьях царил дружеское, душевное настроение.

Похожие лица, манеру одеваться, причисляться он видел в своем доме, в своей семье еще в те незамутненные года.

Теперь Михаил Афанасьевич осознавал явное неравенство их нынешнего социального положения.

Из воспоминаний Маргариты Петровны мы вскоре узнаем, что запомнил ее Булгаков как нечто светлое, возвышенное. Вот почему в знаменитом романе он – нищий Мастер, а Маргарита абсолютно благополучна, если не считать того, что очень несчастна в собственной семье. Безусловно, речь идет о Маргарите Петровне, поскольку, когда Булгаков встретился с Еленой Сергеевной, третьей своей женой, он был уже известным писателем.

И только молодой еще, несчастный голодный человек, бредущий на батумский базар с мешком за спиной, мог столь страстно переживать это неравенство.

Надменность во взгляде и во всем облике Маргариты, абсолютная недоступность не оставляли никаких надежд. Пожалуй, гордость и достоинство, присущие ей, порой выходили за рамки допустимого: гордость превращалась уже в гордыню. Вот и в Батуме она прошла мимо, даже не взглянув на Булгакова. Но Михаил Афанасьевич не только парадоксально мыслит, но и парадоксально чувствовал. А что, если эта встреча была еще одним поводом не покидать Россию? Ведь всегда существовала возможность вновь встретить обретенный идеал.

Итак, решение принято окончательно. Далее Москва. Поначалу жизнь в Москве не задалась. Все мысли сводились к одному: как выжить. Как и в Батуме, было холодно и голодно.

Свою писательскую деятельность в Москве Булгаков начал с малого: с фельетонов; составлял полный библиографический словарь современных русских писателей. В Берлин было переправлено письмо, в котором Булгаков призывал к сотрудничеству писателей, в том числе и начинающих. Булгаков пытался во что бы то ни стало прокнут в литературную среду. Вместе с другими литераторами он принимал участие в написании коллективного романа. Правда, у собравших по перу он вызвал странное чувство. Валентин Катаев в книге «Алмазный мой венец» вспоминает, как однажды он был ошеломлен внешним видом Булгакова: «Он надел галстук бабочкой, цветной жилет, ботинки на пуговицах с прорезанным верхом и даже, что показалось совершенно невероятным, в один прекрасный день встал в глаз монокль». Катаев не заметил в этом элемента игры и определенной формы эпатажа, он воспринял все всерьез; а Булгаков еще и настаивал на монокле.

На вопрос Катаева «Миша! Вы что, с ума сошли?» он ответил: «А что, монокль это очень хорошо». (Из беседы М.О. Чулаковой с Катаевым в 1976 году.) Да ведь это убийственный ответ одесситу Катаеву, прямая издевка над последним. А несчастный Катаев, так ничего и не поняв, обвинил Булгакова в провинциализме.

Все очень просто. Булгаков занимал слишком высокую нишу, и в этой нише он находился один. Он казался надменным и высокомерным. Надменность и высокомерие были состоянием его души. Он вообще мало кого замечал вокруг себя.

Заинтересованность современников его персоной соседствовала с абсолютным непониманием всей противоречивости его личности.

А ведь противоречивость, как нам кажется, – признак некой избранности. Талантливый, гениальный человек не может быть хорош или плох, в нем не-

прменно соседствуют крайности.

Выдающийся русский философ Иван Ильин так писал о некоторых чертах, присущих русскому человеку: «Не разрешена еще проблема русского национального характера, ибо доселе он колеблется между слабхарактерностью и высшим героизмом». Вот и у Булгакова присутствовал разрыв между «явными деяниями дня» и «тайными сновидениями ночи».

Очень важно отметить, что все основные произведения были написаны Булгаковым до 31–32-го годов. Это «Записки на манжетах», «Белая гвардия», «Дьяволиада», «Роковые яйца», «Собачье сердце», «Бег», «Багровый остров», «Зойкина квартира», «Кабала святош».

И наконец, был задуман роман о дьяволе. Неожиданно для Булгакова в его жизни возникает еще одна тайная трагическая линия. Интерес к нему возник со стороны человека, имя которого все не произносилось. Внимание со стороны вождя было истовым и напряженным. Пьесе «Дни Турбиных» он смотрел более двадцати раз. Даже для обыкновенного человека, не обремененного государственными делами, это невероятно. Вот она, тайная страсть вождя и тайная же сторона жизни Булгакова.

В воспоминаниях Сергея Ермолинского дважды встречается фраза, сказанная об уже состоявшемся Булгакове: «...А хотелось быть примерным мальчиком». Как нам кажется, исследователи не придали значения этой характеристике. А ведь здесь говорится о желании Булгакова нравиться власти. Достаточно вспомнить очерк Булгакова «Часы жизни и смерти (С натуры)» о похоронах Ильича. Ради чего Булгаков искал близости к власти? Для личной выгоды или чтобы «истину царям с улыбкой говорить»?

Безусловно, он не мог не заметить происходивших вокруг него почти фантазматических событий. Чего только стоит обыск 7 мая 1926 года. Были конфискованы повесть «Собачье сердце» и его дневники. Цель конфискации литературных произведений ясна: выявить степень содержащейся в них крамолы. А дневники? Кому они были интересны? Тайному визави? Он что же, читал их по ночам в кабинетной тишине? Тогда что он пытался найти в них? Ответ на какой-то столь волнующий его вопрос? Для того чтобы были интересны чьи-то дневники, нужно испытывать к их автору неподдельный интерес. Сталин, безусловно, был человеком с глубоким подлинным и понимал, сколь дорого Булгакову его внимание. Булгаков чувствовал, что вокруг него начались странные безумные пляски.

В 1925 году в журнале «Россия» было напечатано начало «Белой гвардии»; продолжением ее последовало. Вышел сборник «Дьяволиада»; вскоре он был конфискован. Была завершена пьеса «Белая гвардия», она предназначалась для постановки во МХАТе. Мхатовский режиссер пьесы Иван Судаков писал Булгакову, что Луначарский находит пьесу превосходной и не видит препятствий к постановке. Но вскоре в сборнике «Пути развития театра» были приведены слова Луначарского, сказанные на совещании по вопросам театра при Агитпропе ЦК ВКП(б): «А о «Днях Турбиных» я написал письмо Художественному театру, где я сказал, что считаю пьесу пошлой и советовал ее не ставить». Что это? Почему у советских руководителей могло в одночасье поменяться отношение к произведениям Булгакова? Вероятно, сверху спущено указание играть в кошки-мышки.

Вот-вот должна была быть опубликована повесть «Роковые яйца». Предполагавшееся отдельное издание сорвалось. 25 марта 1926 года издательство «Крут» объявляет, что готовит издание «Белой гвардии». Как можно догадаться, книга издана не была. Итого: вторая сборник «Дьяволиады» взамен конфискованного и два маленьких

Свита Воланда.

Художник Д.Бистри

сборника фельетонов. Это все, что было напечатано при жизни Михаила Афанасьевича, за исключением зарубежных изданий и журнальных публикаций.

Ситуация вокруг Булгакова менялась беспрестанно. В 1928 году все складывалось, казалось, для Булгакова благополучно. Шла речь о постановке «Багрового острова» и «Бега». Максим Горький горячо поддерживает «Бег» на обсуждении во МХАТе и в Главрепертком. Осенью начинаются репетиции «Бега» во МХАТе, заключается договор на постановку «Бега» в ленинградском Большом драматическом театре. А далее начинается самая настоящая травля пьесы. Чего стоят одни только заголовки статей, например, «Ударим по булгаковщине». Звучали призывы типа «Шире развернуть кампанию против «Бега». И как результат, запрещение Главреперткомом пьесы «Бег».

В этом же 1928 году Булгаков начинает свою главную книгу. Были намечены почти все основные темы произведения. Все, кроме одной: в романе не появились еще ни Мастер, ни Маргарита.

А тут подоспел и новый привет Булгакову от товарища Сталина. Привет выразился в пространных многосложных рассуждениях по поводу пьесы «Бег». Содержались они в ответе на письмо драматурга Биль-Белоцерковского. Называя пьесу антисоветской и давая рекомендации Булгакову по исправлению пьесы, Сталин ставит вопрос и сам на него отвечает: «Почему так часто ставят пьесы Булгакова? Потому, должно быть, что своих пьес, годных для постановки, не хватает. На-

безрыбье даже «Дни Турбиных»». И это пишет человек, который громче всех аплодирует на этом спектакле.

Уделяя такое внимание самому Булгакову и его творчеству, Сталин называет «Багровый остров» «макулатурой», подписывая тем самым ему приговор. Однако участь многих расстрелянных писателей и драматургов Булгакова миновала. Отчего же? Видимо, вождем не хотел лишиться себя возможности разглагольствовать и далее эту глумливую шахматную партию. Он ждал ответного хода. Не сразу, но он последовал.

Наступает тяжелейший период в жизни Булгакова. Пьесы его запрещены к постановке. По сути, ему не на что жить. В письме брату Николаю в Париж он сообщает: «Все мои литературные произведения погнали, а также и замыслы. Я обречен на молчание и, очень возможно, на полную голодовку. В немом трудных во второй половине 1929 года условиях я написал пьесу о Мольере. Лучших специалистами в Москве она была признана самой лучшей из моих пяти пьес, но все данные за то, что ее не пустят на сцену». И он не ошибся. Последовал запрет на постановку пьесы.

Итак, Булгаков был доведен до полного отчаяния. Он находился в истощенном состоянии и был морально готов к отчаянному поступку. Этого поступка ждало. Булгаков пишет письмо Сталину. Случилось это в конце марта – в первых числах апреля 1930 года. Точнее говоря, было написано семь одинаковых писем, в том числе Сталину, в ОГПУ (с просьбой направить письмо для рассмотрения в правительство), Фелик-

су Кону в Главискусство. Ф.Кон, вероятно, плохо разбирающийся во всех тонкостях интриги, наложил на письмо убийственную резолюцию: «Ввиду недопустимого тона оставить письмо без рассмотрения». Резолюция Генриха Ягода (председателя ОГПУ) от 12 апреля, наоборот, была благоприятной: «Надо дать ему возможность работать, где он хочет». Трудно представить, что Ягода не снесся со Сталиным, прежде чем решать судьбу писателя. Не вызывает сомнений и то, что Сталин сам читал письмо Булгакова.

Булгаков начинает свое письмо так: «Навряд ли мне удалось бы предстать перед Правительством СССР в выгодном свете, написав лживое письмо, пред-

навая. Разговор был достаточно банален, если не считать некоторых фраз Сталина, довольно странно построенных, в которых звучало некое кокетство, например: «Что, мы вам очень надоели?» Было обещано, что писатель будет иметь благоприятный ответ на свое письмо. Главный итог беседы – предложение встретиться и поговорить. И в след за этим невероятно искренний возглас Булгакова: «Да, да! Иосиф Виссарионович! Мне очень нужно с вами поговорить».

Всю оставшуюся жизнь Булгаков с трепетом ожидал разговора со Сталиным. Он рассчитывал, что можно исправить огрехи телефонного общения и в ходе личной встречи объяс-

нить не только Сталину, но и самому себе желание быть ближе к власти, быть ей полезным. Желание, судя по всему, искреннее и вызванное стремлением Булгакова служить своей стране.

А Сталин откладывал разговор либо вовсе не собирался встречаться с писателем, понимая, что инициатива может перейти к оппоненту, а ему самому придется раскрыть карты. Булгаков же рассчитывал на открытый диалог, ведь вождем было хорошо известно содержание его дневников, и, следовательно, он знал его настроения и взгляды на происходящее.

Итак, Булгаков сделал ответный ход. И как человек, совершивший невероятно эмоциональный поступок, он успокоился. Вряд ли он ожидал каких-либо скорых последствий. Однако 18 апреля 1930 года произошло событие, которое определило всю его дальнейшую творческую жизнь. Ему позвонили. Вначале Булгаков решил, что это чья-то злая шутка, но голос в трубке был слишком уз-

ким, – это о том, чтобы его книги печатались, а пьесы ставились в России. Просить об этом он считал невозможным, понимая полную бессмысленность таких просьб.

Итак, Булгаков сделал ответный ход. И как человек, совершивший невероятно эмоциональный поступок, он успокоился. Вряд ли он ожидал каких-либо скорых последствий. Однако 18 апреля 1930 года произошло событие, которое определило всю его дальнейшую творческую жизнь. Ему позвонили. Вначале Булгаков решил, что это чья-то злая шутка, но голос в трубке был слишком уз-

ким, – это о том, чтобы его книги печатались, а пьесы ставились в России. Просить об этом он считал невозможным, понимая полную бессмысленность таких просьб.

И вот 18 апреля – звонок. Булгакова зачислили ассистентом режиссера во МХАТ. На это ли он надеялся или все его просьбы были фигурой речи? Скорее всего он рассчитывал на сближение, именно встречу, беседу, да и мало ли на что... Но этого не случилось. Вождем не хотел брать Булгакова в соавторы пьесы, которую он задумал о его же, Булгакова, жизни.

Теперь заметим, что этот звонок мог бы не состояться, если бы 14 апреля не ушел из жизни Маяковский. Накануне звонка, 17 апреля, прошли похороны Маяковского. Сталин испугался: «А что, если и Булгаков?»

Маяковский погиб в первый день Страстной недели. На Страстной же неделе раздался роковой звонок. Вся эта мистика, безусловно, преломилась в сознании Булгакова и вылилась на страницы его романа. Самого Булгакова жизнь слишком часто подталкивала к роковому шагу. С полной уверенностью можно сказать, что не слабость и страх удерживали его; напротив, мужество и скрытая ото всех истовая вера помогли ему устоять.

Весна 1931 года. Булгаков в отчаянии. Ничего из задуманного осуществить не удастся. Уже перед смертью в письме к младшей сестре он пишет: «Себе я ничего не желаю, потому что заметил, что никогда ничего не выходило так, как я желал». Могла бы спасти любовь, чувство влюбленности – единственное спасение от всех бед. Но и этого не было в его жизни. В состоянии полной безысходности он начинает писать новое письмо; получатель тот же. В нем Булгаков описывает свое ужасающее положение. Также там содержалась просьба ненадолго отпустить его за границу. Он говорил и о своем тяжелом душевном недуге. Но для того, чтобы понять, что действительно происходило у него в душе, можно привести лишь небольшой отрывок из этого письма: «С конца 1930 года я хворюю тяжелой формой нейрастении с припадками страха и предсердечной тоски, и в настоящее время я прикован... На широком поле slovesности российской в СССР я был один-единственный литературный волк. Мне советовали выкрасить шкуру. Нелепый совет. Крашеный ли волк, стриженный ли волк, он все равно не похож на пушлу. Со мной и поступили как с волком и несколько лет гнали меня по всем правилам литературной садики в огороженном дворе. Злобы я не имею, но я очень устал и в конце 1929 года свалился. Ведь и зверь может устать». Какая сила и страсть заключаются в этом монологе! Сталин понимал, что Булгаков мог быть очень опасным, но мог стать и полезным. И только в конце письма Булгаков пишет о главном. Все остальные просьбы вторичны.

«Заканчивая письмо, хочу сказать Вам, Иосиф Виссарионович, что писательское мое мечтание заключается в том, чтобы быть вызванным лично к Вам. Поверьте, не потому, что я вижу в этом самую выгодную возможность, а потому, что Ваш разговор со мной по телефону в апреле 1930 года, оставил резкую черту в моей памяти».

Письмо написано, отправлено, цель сформулирована. Верно ли сделан шаг, или это ошибка, которая может стать роковой, – все безызвестность. Оставалось только ждать ответа. Сталин не ответил никогда.

Отчего, когда умом и сердцем не за что зацепиться, когда в душе пуста, случаются мистические совпадения, встречи? Как говорил епископ Василий Родзянко: «Удивительное дело, как только меньше молось, отчего-то совпадения пропадают». Той же страшной весной, через десять лет после Батума, батумской встречи, он stalkивается на улице с женщиной, так поразившей его воображение. Вот уж действительно «раздолье вере».

Воспоминания Маргариты Смирновой о встрече с Михаилом Булгаковым читаются в следующем номере «HF-Ex libris»